

А.А. Первухина

УСТРОЙСТВО КАЗЕННЫХ ВИННЫХ ЛАВОК В НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО УЕЗДА)

Рассматривается история появления и устройство казенных винных лавок. На основании письменных и изобразительных источников реконструируется экстерьер и интерьер лавок. Автором были проанализированы письменные источники – документы фонда «Акцизного управления Тобольской губернии и Акмолинской области» (Государственный архив Курганской области), а также графические – картины и фотографии, на которых были запечатлены винные лавки, и чертежи. Опираясь на местные архивные данные, автор исследует норму организации быта винной лавки и отклонения от нее. В статье затронут вопрос ответственности хозяина помещения перед акцизным управлением и формы урегулирования возникавших разногласий.

Ключевые слова: казенная винная монополия; казенные винные лавки; потребление алкоголя; виноторговля; спиртные напитки.

Социально-экономические преобразования конца XIX в. в России были ознаменованы серьезным реформированием винной торговли – учреждалась казенная монополия взамен старой акцизной системы. С момента введения монополии спирт, произведенный винокурными заводами, покупался государством и проходил очистку на казенных винных складах или в специальных ректификационных отделениях частных заводов. Реализация алкоголя производилась в казенных винных лавках. В большинстве европейских губерний империи монополия была введена в 1894 г., но на территории Сибири начала действовать с 1902 г.

Курганский уезд относился к Тобольско-Акмолинскому акцизному управлению. На 1907 г. в селах и деревнях Курганского уезда функционировала 51 казенная лавка, 5 лавок располагались в городе Кургане [1]. Отметим, что такое соотношение справедливо для всех округов Сибири. В первые годы после введения монополии в Сибири насчитывалось 1 194 лавки, из них 131 находились в городах [2. С. 167]. Такая диспропорция объясняется наличием в городской инфраструктуре большого количества частных питейных заведений (пивные и портерные лавки, трактиры, питейные дома), в отличие от сельской местности, где государственная лавка чаще всего была единственным источником получения алкогольной продукции. Функционал частных заведений подразумевал розлив алкоголя и его потребление в помещении, в специально оборудованной зоне для посетителей, в то время как казенная винная лавка являлась исключительно местом торговли: распитие спиртных напитков внутри было строго запрещено. Подразумевалось, что такая мера будет способствовать процветанию культуры домашнего питья. Однако результатом этого стало повсеместное употребление только что купленной продукции прямо около «казенки». Исследователи отмечают, что до введения монополии такого разгула уличного пьянства не фиксировалось, и только после данной реформы «безобразия вылились наружу», «пьянство перенеслось из кабака на улицу» [3. С. 371; 4. С. 27; 5. С. 47; 6. С. 18; 7. С. 124]. Очевидно, что территория вокруг новооткрытых монополий вошла в пространство повседневности населения. Она превратилась в составной элемент инфраструктуры поселения – привычный глазу

как покупателя, так и работников лавок; стала популярной пространственной локализацией повседневной жизни. Это утверждение будет справедливо в большей мере для алкоголизированного контингента, однако и остальная часть населения вынужденно обратила внимание на данные точки торговли: дома, в которых были устроены «монопольки», пусть и в негативном контексте, но все же зафиксировались в сознании современников.

Казенные лавки работали ежедневно с утра до вечера (за исключением праздничных дней), и внутреннее убранство торгового зала становилось неотъемлемой частью жизни находившихся там продавцов. Помимо этого, они проживали в том же здании, в смежных комнатах и вели хозяйство на приусадебной территории. Так, мы можем констатировать, что весь комплекс построек на участке можно трактовать, как места и производственной, и частной повседневности. Для Курганского уезда реализация монопольной реформы закончилась в 1915 г. ликвидацией сети лавок, а арендуемые для них помещения стали выполнять другие роли, не сохранив характерного убранства и декора. Таким образом, актуальность исследования заключается в осуществлении нами первой попытки в отечественной исторической науке детальной реконструкции внешнего и внутреннего облика винной лавки как элемента пространства повседневности населения и производственной повседневности продавцов вина в начале XX в.

Корпус письменных источников по истории алкогольной монополии традиционно анализируется с точки зрения получения новой информации в ключевых остросоциальных проблем (алкоголизация населения России и поиски ее причин, а так же путей решения в прошлом нашей страны). Данная работа – попытка расширить информационный потенциал используемых источников: делопроизводственной документации акцизных управлений. Особенность указанных документов заключается в том, что монополия реформа установила единые требования к организации торговли на всей территории страны, а значит, полученные нами данные в равной степени могут быть актуальными как для Курганского уезда, так и для любого другого региона, в чем и заключается научная значимость работы. Практическая применимость со-

стоит в возможности использования результатов исследования авторами, занимающимися смежными проблемами, без ограничения по территориальному признаку. Помимо письменных источников нами были использованы изобразительные источники (картины, фотографии, планы), что позволило визуализировать образ казенных лавок.

В отечественной исторической науке накоплен немалый опыт по изучению истории изготовления и потребления алкоголя в экономических, социальных, политических аспектах. Достаточно полно изучен и период казенной винной монополии: особенности введения реформы [2, 8–10]; уровень государственного дохода [11, 12]; социальные отклонения и повышение уровня преступность в связи с алкоголизацией [13–15], незаконного оборота алкоголя [16, 17], общественной и государственной борьбы с алкоголизмом [18–22]; архитектурные особенности казенных винных складов [23–25]. В некоторых вышеперечисленных работах встречались краткие характеристики помещения казенной лавки, более детально разработаны вопросы строительства и обустройства складов. Однако вопрос облика лавки ни разу не становился объектом пристального научного интереса, отсюда поставленная нами цель – реконструкция устройства казенных винных лавок в начале XX в. Задачи исследования заключаются в рассмотрении 1) экстерьера; 2) интерьера казенной винной лавки; 3) определении ее места в повседневной жизни населения (продавцов и покупателей) в указанный период. Отметим, что наша статья – первый шаг на пути изучения данного объекта в ключе истории пространства повседневности и производственной повседневности, поэтому требуется продолжение исследования.

После введения монополии в регионах началась активная работа по организации акцизных управлений, выбору мест для строительства винных складов, подбору персонала. Особое внимание уделялось поиску помещений для торговли, которые удовлетворяли бы всем требованиям Управления. Отметим, что все изученные нами документы содержали крайне скудное описание самого здания лавки. К примеру, в «Актах осмотра» домов всего две строчки описывают состояние постройки: дом бревенчатый, из березового леса, крыша крыта тесом (либо железом). Также оговаривается, что строение должно быть «безусловно сухим и теплым» [26. Л. 42 об.]. По правилам у входа должны иметься типовая вывеска («Казенная винная лавка № _»), фонарь. Графические источники показывают две разные картины городской и сельской среды. В городе лавки часто располагались в каменных / полукаменных зданиях, в то время как в деревнях – в деревянных избах. Естественно, это определялось характером застройки поселения, однако отсюда возникает интерес исследования пространственной локализации: городских потребителей спиртного окружала развитая инфраструктура, в которой «казенка» была частью урбанизированного пространства. Она находилась среди других торговых заведений, на шумных улицах, в то время как сельские «монопошки», при их аналогичной «вписанности» в ландшафт, стали центром внимания не столько из-за высокой

степени алкоголизированности населения (напротив, многие исследователи отмечали больший уровень пьянства горожан), сколько из-за получения обычным домохозяйством статуса общественного места.

Такой дом мог арендоваться у местного населения или строился заново с учетом нужд Акцизного управления. Здание должно было состоять из: а) предназначенного для торговли помещения с выходом на улицу и иметь внутренний тамбур; б) помещения для хранения запасов вина и порожней посуды; в) квартиры для продавца, состоящей из комнат, кухни, чулана, сеней, отхожего места. В распоряжении продавца был «двор и необходимые хозяйственные постройки: сарай для скота, ледник и погреб, навес для дров, для порожних ящиков и посуды, соломы, и отхожее место» [26]. Отопление дома должно было осуществляться посредством трех печей, при этом одна из них – с плитой в квартире торговца для приготовления пищи. На примере печного отопления можно проследить, как работники сталкивались с бюрократическими неувязками. На ст. Лебяжье лавка была открыта, вопреки требованиям, с двумя печами в торговом зале. Продавец Григорий Авласенков, который замерзал в своей служебной квартире, с сентября 1910 г. пытался добиться от Управления средств на выкладку третьей печи и дрова [27. Л. 19]. И только в конце зимы разбирательство было окончено, а Авласенков получил выплаты, но лишь за один зимний месяц. Обустройству той части дома, где проживал продавец, уделялось достаточно внимания, однако большинство пунктов все же отражали беспокойство о сохранности продукции, нежели об удобстве сотрудников. Так, строго оговаривалось, что лавку необходимо защитить от проникновений в ночное время. На всех окнах должны иметься наружные ставни, а окна в торговом зале и кладовке – быть снабжены еще и внутренними ставнями.

Что касается декора помещения, то полы рекомендовалось окрасить «палевой масляной краской с употреблением сильно обожженной охры», стены в жилом помещении и в лавке должны быть обиты дранью и гладко замазаны глиной, чтобы их можно было оклеить обоями или окрасить [28. Л. 26]. В актах осмотра и приемки помещений единственная строка заполнялась от руки – цвет использованной краски. Нами были встречены следующие варианты: желтый цвет [Там же], цвет дерева [29. Л. 9], цвет ореха [30. Л. 26].

Главной доминантой в помещении лавки был прилавок. Его описание во всех документах занимает значительную часть текста. Он был сделан из соснового, березового или елового сухого дерева. Было четко прописано условие его расположения: прилавок устанавливался таким образом, чтобы он делил собой помещение на две части, т.е. во всю ширину или длину торгового помещения. Очевидно, что эта мера была предпринята для предотвращения возможности проникновения покупателей за прилавок, где хранились товар и выручка. Примечательным является следующее указание: в городских лавках верхняя доска прилавка должна быть обита цинком или линолеумом, а в сельских – достаточно покрыть масляной краской [26. Л. 42 об.]. Связано ли это с большим потоком по-

купателей в городе (и соответственно большей изнашиваемостью казенного имущества) или с санитарно-гигиеническими нормами, остается вопросом. Норма для высоты прилавка устанавливалась в 22 вершка, что составляет 97 см и при среднем росте продавца являлось оптимальным. От прилавка к потолку шла решетка, состоящая из рамы с поперечными переплетами, в которые вставлялась сетка. В той части помещения, где находились покупатели, не должно было быть мебели, так как формат заведения не предполагал долгого нахождения их в лавке. По сути, посетитель попадал в пустое помещение, разнообразие в интерьер вносили только располагавшиеся на стенах часы, икона, объявление о правилах торговли и ценах. Это подтверждают и изобразительные источники. Картина Н.В. Орлова «Освящение монополии» (1904) примечательна тем,

что художнику удалось охватить самые важные элементы обустройства лавки (рис. 1). Мы видим пустое торговое помещение с окрашенными светлой краской стенами. Прилавок разделяет помещение на две части: действие картины происходит в части, предназначенной для покупателей. Как и требовалось, нет никакой мебели, но на видном месте висит список цен. Оставшееся помещение (для продавца) скрыто от зрителя, но мы можем видеть часть прилавка (с переплетами, в которые вставлена решетка), а за ним, на стене, икону. Художник изобразил интересный момент: в лавку входит покупатель. На улице, судя по свету в окнах, солнечный день, но из-за двери, не до конца закрытой посетителем, свет не проникает: этому препятствует тамбур, наличие которого было обязательным условием работы лавки.

Рис. 1. Картина Н.В. Орлова «Освящение монополии» (1904 г.)

Обмен продукцией и деньгами происходил через отверстие с отворяющимися дверцами в решетке. Со стороны продавца в прилавке было два ящика, закрывавшихся на замки, где хранились деньги. На стене за прилавком располагались полки с товаром, там же должны находиться стулья. Из торгового помещения шел ход в кладовую, в которой хранились запасы алкоголя. Далее располагался переход в квартиру продавца, который мог обустроить свое служебное жилье по собственному желанию, в то время как вещи, находившиеся в торговом помещении, были казенными и числились на балансе казенного склада. За «испорченное и утраченное имущество» ответственность несли продавцы: действовала система штрафов. Изношенное и устаревшее «из-за длительного использования» имущество подлежало

замене [31. Л. 10]. Его либо уничтожали, либо продавали с торгов [29. Л. 19].

В фонде Акцизного управления сохранился акт приема помещения, арендуемого под лавку, с планами внутреннего устройства дома и двора, которые позволяют представить расположение помещений и строений на территории участка [26. Л. 43 об.] площадью 31×25 м¹. Помимо дома в распоряжении продавца были помещение для скотины, ледник и два амбара (рис. 2, 1). Дом в форме буквы «П» имел три входа: центральный (вход с тамбуром с улицы для покупателей) и два служебных (в запасное помещение и в квартиру продавца) (рис. 2, 2). Автор чертежа отметил размерные характеристики входной двери (195×85 см) и окон (124×58 см), что позволяет детально реконструировать устройство дома (рис. 2, 3, 4).

ков 2,50 м. Прилавок делил помещение на две части, за ним располагались две двери: одна вела в квартиру продавца, другая – в кладовку. Решетка шла от прилавка до потолка [26. Л. 42 об.]. За спиной продавца располагались полки с товаром (рис. 2, 5)². Ширина двух нижних составляла 62 см, ширина остальных – 44 см. Толщина полки – не менее 3 см. Помощник управляющего, составивший описание дома, от руки вписал в типовой бланк расстояние между полками: нижняя крепилась на высоте 53 см от пола, остальные отставали друг от друга на 36 или 27 см. Таким образом, продавец среднего роста легко доставал товар с 1–5-й полкой, а вот 6-я полка находилась примерно на уровне 210 см. Отсюда, вероятно, появилось требование иметь за прилавком «табуреты и стулья» (именно во множественном числе): не только для отдыха тор-

говца, но и для использования мебели в качестве лесенки. Обязательным условием было определенное расстояние от края полок до края верхней доски прилавка. В данном случае оно было соблюдено: продавец имел достаточно свободного пространства для выполнения торговых манипуляций (106 см), но было ли ему в таком «закутке» уютно, остается вопросом. Графическая зарисовка А.А. Чикина иллюстрирует «внутренность» одной из казенных лавок в Санкт-Петербурге, подтверждающая унифицированность внутреннего устройства торговых заведений данного типа (рис. 3). Можно разглядеть полки за спиной продавца, заставленные ровными рядами бутылок, икону, которая, судя по всем встреченным нами источникам, всегда находилась за прилавком, дверь, ведущую в запасную кладовку.

Рис. 3. Графическая зарисовка А.А. Чикина «Внутренность казенной лавки»

Однако Управлению не всегда удавалось найти помещение, отвечающее всем требованиям. В этом случае договор заключался с «нетипичным» зданием. В с. Казаркинском арендуемый дом был «13 на 7 аршин с пристроенной кутьей» [32. Л. 43]. Помощники управляющего отмечают, что хозяин, «человек низшего чина Лопырев», малоимущий и содержать помещение в должном состоянии не способен. Было предложено вернуть старого контрагента (причина разрыва договора не упомянута), так как он согласен построить новое помещение для найма за 200 рублей годовой оплаты [Там же. Л. 66].

Нужно отметить, что арендная плата была очень высока; так, в Курганском уезде она составляла 200–240 рублей в год [26. Л. 4; 29. Л. 41, 50; 32. Л. 9]. Поэтому желающих сдать дом в аренду было много, а

Управление в свою очередь строго следило за арендодателями. Нам встретился только один случай отказа от предложения аренды – крестьянин с. Макушинского Созон Петрович Суслов не подписал договор аренды из-за низкой арендной платы [32. Л. 45]. Хозяин дома должен был проводить ремонт всех помещений, а в случае невыполнения – выплатить неустойку в размере полугодовой оплаты [26. Л. 44]. За соблюдением условий договора со стороны хозяина следили помощники управляющего Акцизного управления. Из служебной переписки можно понять, какие нарушения встречались: отсутствие наружных ставней, отсутствие «сообщения между помещениями», отсутствие постройки для лошадей [1. Л. 17; 30. Л. 32; 33. Л. 64]. Если хозяин сам исправлял все недочеты, то писал уведомление на имя управляющего [30. Л. 34].

В противном случае у Управления были способы оказать влияние на нерадивого хозяина. К примеру, Управление «угрожало» хозяину дома в с. Гладковском провести ремонт самостоятельно, при этом используя те материалы, которые покажутся им «наиболее подходящими» (судя по тону письма, подразумевалось «наиболее дорогими»), а оплата за этот ремонт будет вычтена из следующей арендной платы [Там же. Л. 78]. Санкции не применялись только в двух случаях: при расторжении договора по обоюдному согласию сторон и в случае смерти арендодателя. Например, наследники хозяина помещения в с. Марайском Игнатия Дмитриевича Шихалева после его смерти не смогли сделать ремонт дома, в следствие чего договор был расторгнут без каких-либо последствий для семьи Шихалевых [32. Л. 135].

В конце XIX в. система акциза сменилась монополией, однако, как и прежде, винная лавка (частная она или государственная) являлась местом встреч населения. Вопрос внешнего облика лавки (особенно в сельской местности) требует более детального изучения, привлечения новых источников информации, в том числе по-

иска редких или неизвестных до сих пор графических источников, эго-документов, фондов полицейского надзора. Казенная винная лавка, пусть и на небольшой временной отрезок, вошла в пространство повседневности человека, став для жителей города одним из мест получения спиртосодержащей продукции, а для населения маленьких деревень – единственным, что, несомненно, сделало «казенку» одной из важных пространственных локализаций. Помимо этого она была источником дохода для арендодателей и работников, в частности продавцов вина. Жизнь торговца ограничивалась помещением лавки: ежедневная работа, проживание в соседней с торговой комнате, охрана продукции в ночное время, ведение хозяйства на приусадебном участке. Высота полок, количество печей, качество замков на дверях и засовов на окнах – все это становилось частью его обыденного существования, которая влияла на изменение образа жизни. По сути, место работы одновременно являлось и жилищем, что формировало восприятие отдельных, с нашей точки зрения, пространств (торгового помещения и квартиры продавца) как единого пространства жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод совершен из расчета 1 сажень = 2,13 м, 1 аршин = 0,71 м, 1 вершок = 4,45 см, 1 дюйм = 2,54 см. Конечные цифры округлены для удобства восприятия.

² Авторская реконструкция части помещения, в котором находился продавец, произведена на основании описания лавки и приложенного к нему плана [26. Л. 42, 42 об., 43, 43 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). Ф. 96. Оп. 1. Д. 17.
2. Андриященко Б.К. Винная монополия в Западной Сибири и организация казенной торговли // Вестник Томского университета. 2003. № 276. 2003. С. 167–170.
3. Карандашев Г.В. Повседневная жизнь городских обывателей: потребление алкоголя в российской провинции в конце XIX – начале XX века // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 369–373.
4. Карандашев Г.В. Дореволюционные исследователи о проблемах государственного питейного дела конца XIX – начала XX века // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 4. С. 23–30.
5. Долгих К.В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. – 1936 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015. № 5/6. С. 14–63.
6. Николаев А.В. «Уличное пьянство» как социально-культурное явление в Российском обществе на рубеже XIX–XX вв. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 14–22.
7. Политов Е.В. Тамбовская криминальная полиция в конце XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 123–127.
8. Быкова А.Г. Казенная винная монополия в 1985/1904–1914 гг.: некоторые аспекты проблемы // Омский научный вестник. 2006. № 8(45). С. 222–225.
9. Мухачев Н.В. Регулирование виноторговли в Верхневолжских губерниях в середине XIX начале XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20, № 1. С. 52–55.
10. Марискин О.И., Марискин С.О. Акцизное обложение пивоваренной промышленности России во второй половине XIX – начале XX в.: по материалам Пензенской и Симбирской губерний // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-1 (61). С. 102–104.
11. Мухамедина Ш.М. Акцизы и винная монополия в Российской империи // Финансы и кредит. 2009. № 37 (373). С. 81–88.
12. Жуйкова Т.Н. Особенности налоговой политики России в конце XIX – начале XX века // Вестник Воронежского института МВД России. 2007. № 2. С. 109–112.
13. Федоров С.Г. Государственная акцизная политика, винная монополия и их последствия в Западной Сибири в конце XIX – начале XX // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2007. № 2. С. 33–36.
14. Шевченко И.А. Общественное движение и потребление алкоголя в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 12 (140). С. 224–230.
15. Литягина А.В. Алкогольные традиции и проблемы в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2 (28). С. 124–139.
16. Пашков Е.В. Усиление незаконной торговли водкой с введением казенной винной монополии в России конца XIX – начала XX века (на примере Курской губернии) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 99. С. 49–53.
17. Рамазанова Г.Р. Социальные девиации в городах Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 1 (216). С. 39–45.
18. Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в Курской губернии в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 169. С. 12–19.
19. Луцки С.С. Меры социально-экономического регулирования, направленные на снижение потребления алкоголя, предпринятые в конце XIX – начале XX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 245–247.

20. Николаев А.В. Антиалкогольная кампания в России 1894–1914 годов: исторический опыт решения проблемы // *Magistra vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2008. № 35. С. 60–72.
21. Акоева Н.Б. Борьба за народную трезвость в России: исторический аспект // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. № 7. С. 13–17.
22. Караваева Е.В. Из истории трезвеннического движения в Томской епархии (конец XIX начало XX вв.) // *Сибирский медицинский журнал*. 2010. Т. 25, № 3–1. С. 96–101.
23. Латышева К.И. Архитектура комплекса казенного винного склада-завода в городе Минусинске начала XX века // *Баландинские чтения*. 2014. № 1. С. 351–354.
24. Губанов А.В., Борознов С.А. К вопросу изучения типов объемно-пространственных решений казенных винных складов в конце XIX – XX в. // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Строительство и архитектура*. 2014. № 1. С. 16–22.
25. Снитко А.В. Историческая эволюция системы целевых установок архитектурного формирования производственных зданий (на примере промышленных предприятий центральной России) // *Academia. Архитектура и строительство*. 2015. № 1. С. 57–60.
26. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 16.
27. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 20.
28. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 26.
29. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9.
30. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 12.
31. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 21.
32. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 23.
33. ГАКО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2018 г.

The Structure of State-Owned Wine Shops in the Early 20th Century (On the Materials of the Kurgan Uyezd)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 169–176.

DOI: 10.17223/15617793/441/22

Anastasia A. Pervukhina, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: perwuscha@mail.ru

Keywords: state alcohol monopoly; state-owned alcohol shops; country town; wine trade; alcoholic drinks.

In the article, the history of appearance and main features of state-owned wine shops is studied. The aim of the study is to see a wine shop of the beginning of the 20th century through the eyes of its contemporaries, either customers or its workers. The way the building of the shop looked like, what the customer saw coming inside, what the working place of the shop assistant of wine was are some of the questions that are considered in the article. The main method of the research is the study of sources, which has helped to find out the construction details of a wine shop building in archival documents. A historical systematic approach has helped to make a structural functional analysis, and to compare the model with the real appearance of the object. The study is based on the documents of the “Excise of Tobolsk Province and Akmola Oblast” fund of the State Archive of Kurgan Oblast first introduced to scientific discourse. The correspondence between administrations and shop employees (assistants, landlords) was studied; a collection of documents characterizing the peculiarities of the shop’s everyday life was revealed. Apart from the written sources, graphic ones were used: pictures, photos, schemes; they are very reliable and full of details. The synthesis of the two types of sources has helped to reconstruct the exterior of a typical state-owned wine shop and its interior. The exterior of the shop is weakly reflected in written documents, but was often the object of painters’ and photographers’ attention. The interior, on the contrary, is fully described in archival documents. The peculiarities of the plan of a shop and its yard with outbuildings were discovered. A special attention was paid to the elements of a shop’s decoration (materials of inner decoration, furniture, wall decoration), as well as to questions of safety and security of the building at night. In the article, the question of the responsibility of the owner of the leased building before excise was discussed. The norm and deviations of the organisation of everyday life of a shop were studied. In connection with the latter, methods of administration control over landlords – the system of fines and measures, leading to observance of the terms of lease contract – were determined.

REFERENCES

1. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 17. (In Russian).
2. Andryushchenko, B.K. (2003) Vinnaya monopoliya v Zapadnoy Sibiri i organizatsiya kazennoy trgovli [Wine monopoly in Western Siberia and the organization of state-owned trade]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 276. pp. 167–170.
3. Karandashev, G.V. (2017) Everyday Life of City Inhabitants: Alcohol Consumption in the Russian Province at the end of XIX – the beginning of the 20th century. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2. pp. 369–373. (In Russian).
4. Karandashev, G.V. (2005) Dorevolutsionnye issledovateli o problemakh gosudarstvennogo piteynogo dela kontsa XIX – nachala XX veka [Pre-revolutionary researchers about the problems of the public drinking business of the late 19th – early 20th centuries]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 4. pp. 23–30.
5. Dolgikh, K.V. (2015) To the history of everyday life: an essay in the consumption of the alcoholic beverages in Russia (late XVth century – 1936). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 5/6. pp. 14–63. (In Russian).
6. Nikolaev, A.V. (2011) The problem of “Street drinking” in Russia at the turn of the XX century. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 132. pp. 14–22. (In Russian).
7. Politov, E.V. (2007) Tambovskaya kriminal’naya politiya v kontse XIX – nachale XX v. [Tambov criminal police in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. 1. pp. 123–127.
8. Bykova, A.G. (2006) Kazennaya vinnaya monopoliya v 1985/1904–1914 gg.: nekotorye aspekty problemy [State-owned wine monopoly in 1985/1904–1914: some aspects of the problem]. *Omskiy nauchnyy vestnik – Herald of Omsk University*. 8(45). pp. 222–225.
9. Mukhachev, N.V. (2014) Wine trade regulating in the Upper Volga provinces in the middle of the 19th–20th centuries. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Kostroma State University*. 20 (1). pp. 52–55. (In Russian).
10. Mariskin, O.I. & Mariskin, S.O. (2015) Excise tax on Russian brewing industry in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century: by the materials of Penza and Simbirsk provinces. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i isskustvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 11-1 (61). pp. 102–104. (In Russian).
11. Mukhamedina, Sh.M. (2009) Aktsizy i vinnaya monopoliya v Rossiyskoy imperii [Excises and wine monopoly in the Russian Empire]. *Finansy i kredit*. 37 (373). pp. 81–88.

12. Zhuykova, T.N. (2007) Osobennosti nalogovoy politiki Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Features of the tax policy of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2. pp. 109–112.
13. Fedorov, S.G. (2007) Gosudarstvennaya aktsiynaya politika, vinnaya monopoliya i ikh posledstviya v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [State excise policy, wine monopoly and their consequences in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. "Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'" – Herald of Omsk University. Ser. "Society. History. Modernity"*. 2. pp. 33–36.
14. Shevchenko, I.A. (2014) Social movement and consumption of alcohol in Russia at the turn of the 20th century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. 12 (140). pp. 224–230. (In Russian).
15. Lityagina, A.V. (2010) Drinking Traditions and Problems in West Siberia Towns in the second half of the 19th c. – early 20th c. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2 (28). pp. 124–139. (In Russian).
16. Pashkov, E.V. (2009) Intensification of illicit vodka trade following the introduction of the state wine monopoly in Russia of the late 19th – early 20th centuries (by the example of the Kursk province). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 99. pp. 49–53. (In Russian).
17. Ramazanov, G.R. (2011) Sotsial'nye devyatsii v gorodakh Ufimskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [Social deviations in the cities of the Ufa Gubernia in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of Chelyabinsk State University. History*. 1 (216). pp. 39–45.
18. Pashkov, E.V. (2014) Anti-alcoholic Campaign in the Kursk Province during World War I. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 169. pp. 12–19. (In Russian).
19. Lutsik, S.S. (2015) Mery sotsial'no-ekonomicheskogo regulirovaniya, napravlennye na snizhenie potrebleniya alkogolya, predprinyatye v kontse XIX – nachale XX veka [Measures of socio-economic regulation aimed at reducing alcohol consumption taken in the late 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*. 6-1. pp. 245–247.
20. Nikolaev, A.V. (2008) Antialkogol'naya kampaniya v Rossii 1894–1914 godov: istoricheskiy opyt resheniya problemy [Anti-alcohol campaign in Russia of 1894–1914: historical experience in solving problems]. *Magistra vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii – Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*. 35. pp. 60–72.
21. Akoeva, N.B. (2015) Fighting for temperance in Russia nationwide: historical aspect. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social-Educational Idea*. 7. pp. 13–17. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.5.013-017
22. Karavaeva, E.V. (2010) From the history of antialcoholic movement in the Tomsk Diocese (the end of XIX – the beginning of XX centuries). *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – Siberian Medical Journal*. 25 (3–1). pp. 96–101. (In Russian).
23. Latysheva, K.I. (2014) Architecture of the state wine plant-and-warehouse complex in Minusinsk in the early XXth century. *Balandinskie chteniya*. 1. pp. 351–354. (In Russian).
24. Gubanov, A.V. & Boroznov, S.A. (2014) K voprosu izucheniya tipov ob"emno-prostranstvennykh resheniy kazennykh vinnykh skladov v kontse XIX – XX v. [On the issue of studying the types of three-dimensional spatial solutions of state-owned wine warehouses in the late 19th and 20th centuries]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Stroitel'stvo i arkhitektura – PNRPU Construction and Architecture Bulletin*. 1. pp. 16–32.
25. Snitko, A.V. (2015) Historical Evolution of Object Setting System of Architectural Formation of Industrial Buildings (Illustrated by Industrial Factories in Central Russia). *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo – Academia. Architecture and Construction*. 1. pp. 57–60. (In Russian).
26. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 16. (In Russian).
27. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 20. (In Russian).
28. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 26. (In Russian).
29. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 9. (In Russian).
30. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 12. (In Russian).
31. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 21. (In Russian).
32. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 23. (In Russian).
33. State Archive of Kurgan Oblast (GAKO). Fund 96. List 1. File 8. (In Russian).

Received: 10 April 2018